
ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 930.2

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ БЕЛУРУСУВ И РУССІЯН: ОПЫТ ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

П. С. КРЮЧЕК¹⁾, В. Н. РАКАЧЕВ²⁾, Я. В. РАКАЧЕВА²⁾, В. Н. СЕРГЕЕВ³⁾, В. А. ОСТРОГА⁴⁾

¹⁾Белорусский государственный технологический университет,
ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Беларусь

²⁾Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Россия

³⁾Университет гражданской защиты Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь,
ул. Машиностроителей, 25, 220118, г. Минск, Беларусь

⁴⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. На основе результатов историко-социологического исследования, проведенного среди студенческой молодежи Беларуси и России, с разных теоретико-методологических подходов рассматривается специфика взаимосвязи исторической памяти и коллективной идентичности. Отмечается, что у белорусских студентов сильно выражена этнонациональная идентичность, их историческая память сконцентрирована на образах национального прошлого, идеях этнокультурной самобытности и государственной независимости, а историческое сознание направлено в основном на близкое прошлое и настоящее. У российских студентов превалирует гражданственно-государственная идентичность, их историческое сознание обращено в далекое прошлое. Делается вывод о том, что общая история двух народов и отражение событий прошлого в исторической памяти белорусских и российских молодых людей позволяют предположить наличие у них единой, преимущественно ретроспективно направленной коллективной идентичности.

Ключевые слова: историческая память; национальная идентичность; Беларусь; Россия; коллективная память; историческое сознание.

Образец цитирования:

Крючек ПС, Ракачев ВН, Ракачева ЯВ, Сергеев ВН, Острога ВА. Историческая память и национальная идентичность белорусов и россиян: опыт историко-социологического исследования. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2024;2:5–16. EDN: BUYZYV

For citation:

Kruchek PS, Rakachev VN, Rakacheva YaV, Sergeev VN, Astroga VA. Historical memory and national identity of Belarusians and Russians: experience of historical and sociological research. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2024;2:5–16. Russian. EDN: BUYZYV

Сведения об авторах см. на с. 16.

Information about the authors see p. 16.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках совместного российско-белорусского проекта «Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом», реализованного при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (№ 20-59-00017/20) и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (№ Г20Р-227).

ГІСТАРЫЧНАЯ ПАМЯЦЬ І НАЦЫЯНАЛЬНАЯ ІДЭНТЫЧНАСЦЬ БЕЛАРУСАЎ І РАСІЯН: ВОПЫТ ГІСТОРЫКА-САЦЫЯЛАГІЧНАГА ДАСЛЕДАВАННЯ

П. С. КРУЧАК^{1*}, В. М. РАКАЧОЎ^{2*}, Я. У. РАКАЧОВА^{2*}, У. М. СЯРГЕЕЎ^{3*}, В. А. АСТРОГА^{4*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт,
вул. Свядлова, 13а, 220006, г. Мінск, Беларусь

^{2*}Кубанскі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. Стаўрапольская, 149, 350040, г. Краснадар, Расія

^{3*}Універсітэт грамадзянскай абароны Міністэрства па надзвычайных сітуацыях Рэспублікі Беларусь,
вул. Машынабудаўнікоў, 25, 220118, г. Мінск, Беларусь

^{4*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анотацыя. На аснове вынікаў гісторыка-сацыялагічнага даследавання, праведзенага сярод студэнцкай моладзі Беларусі і Расіі, з розных тэарэтыка-метадалагічных падыходаў разгледжваецца спецыфіка ўзаемасувязі гістарычнай памяці і калектыўнай ідэнтычнасці. Адзначаецца, што ў беларускіх студэнтаў моцна выражана этнанацыянальная ідэнтычнасць, іх гістарычная памяць канцэнтруецца на вобразах нацыянальнага мінулага, ідэях этнакультурнай самабытнасці і дзяржаўнай незалежнасці, а гістарычная свядомасць накіравана ў асноўным на блізкае мінулае і сучаснасць. У расійскіх студэнтаў пераважае грамадзянска-дзяржаўная ідэнтычнасць, іх гістарычная свядомасць звернута да далёкага мінулага. Робіцца выснова аб тым, што агульная гісторыя двух народаў і адлюстраванне падзей мінулага ў гістарычнай памяці беларускіх і расійскіх маладых людзей дазваляюць выказаць здагадку аб наяўнасці ў іх адзінай, пераважна рэтраспектыўна накіраванай калектыўнай ідэнтычнасці.

Ключавыя словы: гістарычная памяць; нацыянальная ідэнтычнасць; Беларусь; Расія; калектыўная памяць; гістарычная свядомасць.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны ў рамках сумеснага расійска-беларускага праекта «Гістарычная культура беларусаў і расіянаў: фарміраванне ўяўленняў аб нацыянальным і агульным мінулым», рэалізаванага пры фінансавай падтрымцы Расійскага фонду фундаментальных даследаванняў (№ 20-59-00017/20) і Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў (№ Г20Р-227).

HISTORICAL MEMORY AND NATIONAL IDENTITY OF BELARUSIANS AND RUSSIANS: EXPERIENCE OF HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL RESEARCH

P. S. KRUCHEK^a, V. N. RAKACHEV^b, Ya. V. RAKACHEVA^b, V. N. SERGEEV^c, V. A. ASTROGA^d

^aBelarusian State Technological University, 13a Sviardlova Street, Minsk 220006, Belarus

^bKuban State University, 149 Stavropol'skaya Street, Krasnodar 350040, Russia

^cUniversity of Civil Protection of the Ministry for Emergency Situations of the Republic of Belarus,
25 Mashynabudawnikow Street, Minsk 220118, Belarus

^dBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: P. S. Kruchek (pit68_68@mail.ru)

Abstract. Based on the results of a historical and sociological study conducted among student youth in Belarus and Russia, the specifics of the relationship between historical memory and collective identity are examined from different theoretical and methodological approaches. It is noted that Belarusian students have a strongly expressed ethnonational identity, their historical memory is concentrated on images of the national past, ideas of ethnocultural identity and state independence, and historical consciousness is aimed mainly at the near past and present. Among Russian students, the civic-state identity prevails; their historical consciousness is drawn to the distant past. It is concluded that the presence of a common history between the two peoples and the reflection of past events in the historical memory of Belarusian and Russian young people suggests that they have a single, predominantly retrospectively oriented, collective identity.

Keywords: historical memory; national identity; Belarus; Russia; collective memory; historical consciousness.

Acknowledgements. The article was prepared as part of the joint Russian-Belarusian project «Historical culture of Belarusians and Russians: formation of ideas about the national and common past», implemented with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (No. 20-59-00017/20) and the Belarusian Republican Foundation for Basic Research (No. G20R-227).

Введение

Осмысливая пройденный путь, общество формирует определенное отношение к прошлому. Это отношение отражается в исторической памяти и сознании индивидов. Коллективная (историческая) память может быть использована как ключ к изучению и пониманию коллективной идентичности.

Вопрос феномена идентичности относится к наиболее актуальным темам современных социально-гуманитарных исследований. Глобальные процессы

в современном мире обуславливают постоянное изменение социального контекста, в рамках которого происходит самоопределение индивида. Групповая принадлежность индивидов становится все более неустойчивой, а время существования групп и членства в них – все более краткосрочным. Как следствие, идентичность современного человека приобретает ярко выраженный процессуальный характер, что подтверждает необходимость изучения ее переменных.

Теоретико-методологические рамки исследования

Методологическая основа исследования. Для рассмотрения широкого спектра явлений, связанных с феноменом идентичности, предпочтительным выступает мультидисциплинарный подход. В рамках данного исследования мы опираемся на синтез концепций идентичности в области философии, социологии и социальной психологии, а также на теоретические подходы к анализу исторической памяти и исторического сознания в частности и исторической культуры в целом.

Независимо от того, на какие содержательные основания опираются дискурсы о прошлом, все они оперируют различными коннотациями концепта «история». В рамках настоящего исследования важными являются следующие варианты интерпретации указанного концепта. Объективная история, как в основном завершившаяся непроцессуальная социальная реальность, нередко предстает инвариантом, своеобразной вещью в себе. Она подлежит частичной реконструкции в той мере, в которой это позволяет сделать научная методология, однако в целом выступает скорее в качестве априорной конструкции, мотивирующей к историческому поиску, а также в качестве источника данных и пустого референта исторического сознания. История, как нарратив, представляет собой корпус текстов (и других артефактов) и правил их производства, содержащих различные версии реконструкции прошлого. Строгое использование научного метода делает реконструкцию прошлого задачей академического сообщества, движимого установкой на объективное освещение прошлого, находящегося «далеко позади нас»¹ [1, p. 825–826]. Однако нарративный характер продукта исторических изысканий породил многочисленные споры по поводу объективности участия

субъекта в реконструкции прошлого, которое он познает.

В настоящее время идея исторического познания, продукт которого является точной моделью действительности, и стремление понимать прошлое с опорой на закономерности истории все больше подвергаются влиянию историографий, отказывающихся от строгой хронологической привязанности и становящихся несобытийными. Характеризуя их, Л. П. Репина отмечает, что, «несмотря на заметные концептуальные и терминологические различия, все они имеют важную общую характеристику: главным предметом истории становится не событие прошлого как таковое, а память о нем, тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников, транслировался непосредственным потомкам, реставрировался или реконструировался в последующих поколениях, подвергался проверке и коррекции с помощью методов исторической критики» [2, с. 24].

На роль своеобразного рубежа между сциентистскими и несобытийными историографиями может претендовать предложенное Ф. Р. Анкерсмитом различие исторических знаний и исторического опыта [3, с. 433]. Сциентистские историографии однозначно ориентированы на знания, в то время как несобытийные историографии, оставаясь частью научного дискурса, нацелены на анализ способов накопления, хранения, использования и даже на производство исторического опыта (функциональный подход, с точки зрения которого категория «историческое» относится к релятивизму) [4, с. 50].

Еще одним водоразделом между способами видеть прошлое являются социальная принадлежность и, что важнее, прагматика носителя исторического

¹Здесь и далее перевод наш. – П. К., В. Р., Я. Р., В. С., В. О.

мышления [5]. В тот момент, когда субъект исторического познания привносит в свою активность дополнительную мотивацию (идеологическую, экономическую, социальную и др.), он становится реципиентом коллективной памяти и агентом исторического воображения независимо от наличия академического статуса.

На указанной логике основывается проводимое нередко различие двух предметных областей исторического познания: прошлого как такового и социальных и психологических механизмов использования этого прошлого в настоящем, концептуализируемых посредством собственного глоссария (содержащего определение таких понятий, как историческая память, культурная память, коммеморация и т. д.).

Дифференциация указанных предметных областей не столь принципиальна, поскольку, во-первых, любые формы репрезентации истории фундированы в прошлом², а во-вторых, академические и неакадемические дискурсы не являются изолированными друг от друга, так как связаны феноменом исторического сознания (как интенции к прошлому). С одной стороны, каждой исторической эпохе соответствуют своя форма и свое содержание исторического сознания, с другой стороны, историческое сознание часто трактуется «как набор навыков, позволяющих людям понимать прошлое на своих собственных условиях» [1, р. 826].

Отмеченные предметные области исторического познания являются частью социокультурной жизни одного и того же общества и нередко объединены понятием «историческая культура», которое включает формализованные и неформализованные практики взаимодействия социума с прошлым (нарративы, перформансы, мнемоническая инфраструктура, концепции истории и т. д.) [5, р. 5–6]. Вместе с тем академический дискурс и коллективные репрезентации прошлого (в том числе воспоминаний) заметно отличаются своей сущностью и методологической природой.

Коллективная память как предмет историко-социологического исследования. Коллективная память, как аналитическое понятие, является скорее метафорой, основанной на переносе индивидуальных механизмов памяти на общество. На практике коллективная память указывает на то, что некоторые социологические факты включают в себя исторические репрезентации. Коллективная память ссылается прежде всего на коммуникации членов группы или сообщества по поводу той информации, которую нужно не только помнить одинаково, но и успешно транслировать как в синхронии, так и в диахронии [6, р. 72].

Исследователи различают коммуникативную память, основанную на социально-психологических ме-

ханизмах бытового общения, и культурную память, которая опирается на институализированную мнемоническую инфраструктуру [7, р. 17]. Благодаря наличию своеобразного алгоритма реконструкции прошлого в коммеморативных практиках, а также нормативных и рефлексивных рамок для репрезентации прошлого мнемоническая инфраструктура позволяет идентифицировать и фиксировать исторический опыт. Различение коммуникативной и культурной памяти обуславливают следующие методологические критерии:

- форма участия. Коммуникативная память является неформализованной и относительно недолговечной. Она подразумевает диффузное участие, фундирована в групповых практиках повседневности. Участие в формировании культурной памяти выступает специализированным и дифференцированным процессом [7, р. 19]. Данный вид памяти фундирован в мнемонической инфраструктуре, в так называемых местах памяти [8, р. 146], и, соответственно, носит долговременный характер;

- контекстуальность. В коммуникативной памяти воспоминания всегда происходят в актуальном контексте, в культурной памяти их репрезентация осуществляется с помощью дополнительной инфраструктуры, содержащей инструкции по «распаковке» опыта;

- интерактивность. Содержание воспоминаний в коллективной памяти регулируется потенциально равноправными отношениями в диаде *прошлое – настоящее*;

- фоновые переменные. В процессе коллективных воспоминаний задействованы фоновые социальные переменные. Для коммуникативной памяти одной из таких переменных выступает непосредственное, прежде всего межпоколенческое, общение (в данном контексте уместно использовать концепт «живая историческая память») [9, р. 2]. В контексте культурной памяти такими переменными являются мнемоническая инфраструктура (места памяти, образовательные и коммеморативные практики и т. д.) и так называемый когортный опыт (общественное мнение) [10, р. 218];

- статика (динамика). Данный критерий основывается, во-первых, на дифференциации того, что хранится в памяти и потенциально доступно для воспоминаний (смысловой каркас абстрактных понятий представляет собой статический набор знаний) [11, р. 30], во-вторых, на идентификации процесса запоминания, воспоминания, припоминания, ориентированного на «предпочтение вспоминать в определенном контексте» [12, р. 281], создавать повторяющуюся реконструкцию событий (модель прошлого опыта). Дифференциация содержания памяти возможна благодаря относительной

²Schwartz B. Commemorative objects // International encyclopedia of the social & behavioral sciences : in 26 vols / ed. by N. J. Smelser, P. B. Baltes. Amsterdam : Elsevier, 2001. Vol. 14. P. 2271.

стабильности мнемонической инфраструктуры. То, что должна помнить группа, вынесено вовне и подразумевает схожие исторические интерпретации для каждого индивида, который контактирует с инфраструктурой, обладающей определенным набором событий и их трактовок. Идентификация процесса запоминания, воспоминания, припоминания предполагает обусловленный культурным опытом обмен индивидуальными воспоминаниями, наиболее частотные из которых «абсорбируются» в коллективной памяти [13, р. 1].

Процессы формирования коллективной памяти. Проблему коллективной памяти нельзя назвать разработанной в полной мере в силу ее междисциплинарности, а также из-за недостаточности инструментария для ее исследования (речь идет об изучении не когнитивных, а социальных механизмов, сложных критериях верификации и т. д.). Вместе с тем в отношении ряда понятий этой области знаний консенсус исследователей достигнут. В основе формирования и транслирования образов прошлого лежит припоминание (повторное воспроизведение). На создание «персонализированных коллективных воспоминаний» может влиять эмоциональный климат, а также аффективная окраска запоминаемого события (неожиданность, контраст с повседневностью и т. д.) [9, р. 3]. В последнем случае смыслообразующую роль в коллективной памяти играют воспоминания-вспышки. При повторном воспроизведении важное значение имеют эффект интервала (регулярность повторения способствует запоминанию) и эффект обратной связи. Факторами формирования коллективной памяти могут выступать также возраст реципиента (особенно в случае его участия в событии) [14, р. 224] и повышение роли мнемонической инфраструктуры по мере снижения заинтересованности индивида в запоминании событий (с течением времени коллективная память, направленная снизу вверх, сменяется памятью, направленной сверху вниз). Однако исследователи подчеркивают, что механизм, который обеспечивает долгосрочное удержание информации, совершенно безразличен к точности и релевантности этих данных.

Коллективная память и идентичность. Термин «идентичность» имеет множество трактовок. Вопрос его концептуализации является дискуссионным и требует обращения к субстанциональным свойствам феномена. Выделяются две принципиальные позиции исследователей в этом отношении. Согласно первой позиции идентичность выступает как процесс, происходящий в динамике (и только в ней может быть изучен). Речь идет об идентификации, в рамках которой осознаются тождество индивида самому себе, его принадлежность к группе и одновременно его обособление от другого (интеракционистский подход) [15]. Согласно второй позиции идентичность воспринимается как статичная субстанция, результат, которого достигает индивид в ходе самоопределения.

В данном случае идентичность выступает как устойчивое образование либо как элемент индивидуального (группового) сознания, который в определенных условиях может трансформироваться [16].

В поле концептуализации идентичности существует также теоретическая оппозиция, связанная с представлением о ней как об индивидуальном или групповом феномене [17; 18]. В. С. Малахов подчеркивает, что концепт индивидуальной идентичности не может быть перенесен на общество, поскольку оно не имеет тех качеств, которыми обладает личность, в частности свойства субъектности [19]. Множественная природа идентичности обусловлена скорее сложной функциональной структурой общества и не предполагает обязательной самоидентификации субъекта. Именно поэтому возможна и коллективная идентичность. А. Мелуччи определяет ее как интерактивное образование, созданное несколькими людьми или их группами (на более сложном уровне), обладающее определенной направленностью действий и имеющее ряд возможностей и ограничений [20]. При этом соотношение идентичности и памяти в коллективном измерении аналогично соотношению их взаимосвязи на уровне индивида. Как полагает Р. Дженкинс, именно на пересечении самопрезентации и социальной категоризации находится механизм, формирующий индивидуальную и коллективную идентичность. Индивиды дифференцируют себя согласно критериям, принятым в определенной группе, и развивают чувство своей принадлежности к ней. Когда принадлежность индивида к группе признана ее членами, возникает коллективная идентичность [21, р. 5].

В случае идентификации индивида с национальным сообществом речь идет о национальной идентичности. Она в значительной мере связана с коллективной памятью сообщества людей, проживающих на определенной территории (особенно с учетом роли государства в создании и развитии мнемонической инфраструктуры, политики памяти и т. д.). Именно с коллективной памятью национального уровня многие авторы, в частности А. Г. Кохановский, Н. Л. Мысливец, А. А. Коваленя и др., связывают понятие «историческая память».

Нация как нарратив. Нацию можно представить как непрерывную субстанцию, связанную определенными историческими событиями и элементами мнемонической инфраструктуры [22]. Стержневые нарративы (метанарративы) содержат объяснение ключевых характеристик нации, связанных с описанием ее развития, исторической детерминированности, общности культуры и т. д. Воспроизводимость нации основана на регулярности напоминания индивидам об их идентичности и общем прошлом [23] с помощью различных мнемонических средств. Важную роль здесь играют также механизмы формирования приверженности и селективного внимания к прошлому [24].

Таким образом, идентичность представляет собой сложный социальный феномен, формирующийся в результате социальной категоризации индивида с учетом определенных социальных условий и институциональных рамок. Индивид осознает собственное отличие от других и свою принадлежность к конкретной группе. При этом действуют механизмы группового включения и исключения индивидов, создаваемые и регулируемые государством [25, с. 60].

Стратегия исследования. Взаимосвязь исторической памяти и национальной идентичности,

Результаты и их обсуждение

Отношение молодежи к истории. По мнению большинства молодых людей, современный человек должен обладать познаниями в истории. При этом 72,8 % российских студентов и 66,1 % белорусских студентов считают, что нужно знать историю своей страны и историю других государств; 18,2 % российских студентов и 23,4 % белорусских студентов полагают, что достаточно знать историю только своего народа. Среди белорусских респондентов выше, чем среди российских респондентов, доля тех, кто считает, что достаточно знать историю своей малой родины (3,9 и 2,2 % соответственно) и историю своей семьи (2,7 и 1,7 % соответственно). Таким образом, во взглядах на изучение истории белорусская молодежь демонстрирует более выраженный локализм, чем российская молодежь. В то же время приведенные мнения респондентов противоречат их индивидуальной мотивации к познанию истории. Так, белорусские студенты чаще, чем российские студенты, декларируют необходимость знать историю своей страны, но в то же время реже интересуются ей. При этом среди белорусов заметно выше доля тех, кому интересна история своей малой родины (7,1 % респондентов в белорусской подвыборке против 2,5 % респондентов в российской подвыборке) и история своей семьи (6,8 % против 4,9 %). У российских студентов интерес к истории своей семьи выше, чем интерес к истории своего местожительства. Доля респондентов, интересующихся национальной и локальной историей, в белорусской подвыборке составила 35,1 %, в российской – 31,8 %.

Формы самоидентификации индивида в контексте исторической памяти и исторического сознания. Результаты исследования свидетельствуют о достаточно высоком уровне национальной и гражданской идентификации студенческой молодежи. Так, 78,3 % белорусских студентов и 83,7 % российских студентов отметили, что ощущают тесную связь со своим народом. С гражданами своей страны себя идентифицируют 67,6 % белорусских студентов и 76,7 % российских студентов. Выраженная иденти-

представленность прошлого в историческом сознании современной студенческой молодежи стали предметом исследования, реализованного белорусскими и российскими специалистами в октябре – декабре 2021 г.³ В исследовании участвовали студенты Белорусского государственного технологического университета (Беларусь) и Кубанского государственного университета (Россия). Анкетирование проводилось путем онлайн-опроса, использовался метод случайной выборки (объем выборки составил 1042 человека, из них 410 белорусов и 632 россиянина).

фикация с семьей у 97,1 % белорусских респондентов и 97,8 % российских респондентов условно может быть квалифицирована как форма этнонациональной идентификации, поскольку усвоение родного языка, других элементов национальной культуры, а также их воспроизводство обеспечиваются прежде всего на уровне семьи. При этом у белорусских студентов сильнее, чем у российских студентов, выражен социальный атомизм.

Рассматривая идентификацию в рамках континуума *история – современность* и относя народ, сограждан, единоверцев к историческим сообществам, а семью, друзей, коллег по учебе, жителей своего города и региона к сообществам настоящего времени, можно говорить о том, что современные идентичности являются наиболее актуальными.

Процессы социальной идентификации индивида (с членами определенной *мы*-группы) тесным образом связаны с феноменом межгруппового восприятия, который детерминирован реальными отношениями между группами, актуальным общественным контекстом и психологическими факторами. В ходе социальной категоризации, реализуемой на основе универсального принципа биполярности, выстраивается базовая оппозиция *мы (свои) – они (чужие)*, которая формирует образ социального мира. В рамках данной оппозиции проявляется базовая семантика сплоченности со своими и отчуждения от других. Таким образом, когнитивная оппозиция *мы (свои) – они (чужие)* предполагает прежде всего идентификацию ее субъектов, как индивидуальных, так и групповых.

В связи с этим интерес представляют ответы респондентов на вопрос: «Кого бы Вы отнесли к концептам “мы” (“свои”) и “они” (“чужие”)»? Важно понять, какие «чужие» выступают теми группами, которые позволяют белорусской и российской молодежи осознавать свою принадлежность к определенному обществу и формировать коллективные идентичности [26, с. 58–59]. Анализ ответов студентов позволил сформировать полевую модель концептов «мы» («свои») и «они» («чужие») (табл. 1).

³Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом : отчет о НИР / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Кубан. гос. ун-т ; рук. О. В. Матвеев. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2022. 50 с. № гос. регистрации НИОКТР АААА-А20-120072590002-2, № гос. регистрации ИКРБС 222102600013-3.

Таблица 1

Содержание концептов «мы» («свои») и «они» («чужие») в представлении белорусских и российских студентов

Table 1

The content of the concepts «we» («our own») and «they» («strangers») in the view of Belarusian and Russian students

Структура концепта	Содержание концепта «мы» («свои»)	Содержание концепта «они» («чужие»)
<i>Ответы белорусских студентов</i>		
Ядро	Мое государство	Другие государства
Ближняя периферия	Граждане моей страны Мой народ	Иностранные граждане Другие народы
Дальняя периферия	Знакомые люди Те, кто разделяют мои взгляды Люди с принятыми в моем обществе нормами поведения Все люди Народ Единоверцы	Незнакомые люди Те, кто не разделяют мои взгляды Люди с другими нормами поведения Представители иных форм жизни Власть Иноверцы
Крайняя периферия	Местное население	Приезжие
<i>Ответы российских студентов</i>		
Ядро	Граждане моей страны Мой народ Люди с принятыми в моем обществе нормами поведения	Иностранные граждане Другие народы Люди с другими нормами поведения
Ближняя периферия	Знакомые люди Те, кто разделяют мои взгляды	Незнакомые люди Те, кто не разделяют мои взгляды
Дальняя периферия	Мое государство Единоверцы	Другие государства Иноверцы
Крайняя периферия	Местное население Все люди Народ	Приезжие Представители иных форм жизни Власть

В обеих подвыборках основная ось противопоставления в рамках оппозиции *свой – чужой* выстраивается по линии государств и их граждан, поэтому можно заключить, что для белорусских и российских студентов доминирующей идентичностью выступает национальная (гражданская) идентичность. Причем белорусские респонденты, говоря о других государствах, чаще определяют их как территории, находящиеся за пределами родной страны, и используют общие формулировки (*Все, кроме стран СНГ; Дальний Восток; Запад; Все страны НАТО; Все страны другого континента*). Российские студенты, говоря о других государствах, указывают конкретную страну (*Германия, Китай, США, Украина, Япония*). Кроме того, российские респонденты чаще рассматривают другие государства как противников (*Все страны, с которыми происходят конфликты; Все государства-неприятели*).

Часть респондентов в белорусской и российской подвыборках категорически отрицают разделение концептов «мы» и «они» («свои» и «чужие»). Такую позицию они аргументируют тем, что подобное противопоставление является атавизмом и неприемлемо в современном обществе (*Мы все абсолютно разные*

и уникальные; Я не вешаю ярлыков на людей; Все люди едины; Между людьми нет отличий; Я за космополитизм, чужих нет). Такое мнение высказали 10,5 % белорусских студентов и 16,6 % российских студентов.

Героические (трагические) события в исторической памяти как элемент идентификации. Ряд авторов (Б. Андерсон, А. Ассман, Р. Айерман и др.) называют героическое прошлое и травматический опыт группы индивидов консолидирующими элементами исторической памяти, основой для формирования коллективной идентичности. Память о героях и жертвах способствует установлению новых и поддержанию существующих социальных связей [26]. Иначе говоря, память о героических событиях позволяет молодежи связать прошлое с настоящим и будущим.

Респондентам был задан вопрос о том, кого они могут назвать героем своей страны. Анализ ответов показал, что и для белорусской, и для российской молодежи образ национального героя связан прежде всего с событиями Великой Отечественной войны. Так, 19,6 % ответов белорусских студентов и 40,7 % ответов российских респондентов можно отнести к обобщенной категории «герои и участники

Великой Отечественной войны». В рамках данной категории были названы военачальники (Г. К. Жуков, И. Х. Баграмян, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. К. Рокоссовский), солдаты, совершившие подвиги (Л. М. Павличенко, Е. Д. Бершанская, П. М. Гаврилов, Н. Ф. Гастелло, З. Г. Колобанов, Д. Л. Калараш, Д. С. Калинин, Д. М. Карбышев, И. Н. Кожедуб, А. П. Маресьев, А. М. Матросов, А. И. Покрышкин, В. А. Маргевич, И. А. Шеремет), партизаны (И. К. Кабушко, К. С. За-

слонов, В. И. Талаш (чаще их указывали белорусские респонденты)), пионеры-герои и комсомольцы (В. Головатый, Л. Голиков, Ж. Попов, Е. Игнатов и Г. Игнатов, В. Котик, О. Кошевой, З. Портнова), а также родственники студентов – участники Великой Отечественной войны. Некоторые респонденты употребляли обобщенные формулировки (*Весь народ; Все участники войны и ветераны*). Таким образом, по количеству упоминаний эта позиция лидирует (табл. 2).

Таблица 2

Национальные герои, по мнению белорусских и российских студентов

Table 2

National heroes, according to opinions of the Belarusian and Russian students

Категория	Доля ответов белорусских студентов, %	Доля ответов российских студентов, %
Герои и участники Великой Отечественной войны	20,0	41,0
Герои национально-освободительных движений	17,4	1,7
Современные политики	14,3	2,7
Писатели	11,6	3,1
Просветители	7,1	0,3
Спортсмены	6,3	0,5
Государственные деятели периода СССР	5,8	6,2
Современные выдающиеся личности	5,4	0,8
Государственные деятели досоветского периода	3,6	11,6
Музыканты	3,1	0,7
Ученые	2,2	3,8
Космонавты	1,8	8,4
Художники	0,9	1,2
Религиозные деятели	0,4	0,3
Полководцы досоветского периода	–	18,1

На второй позиции в белорусской подвыборке находятся герои национально-освободительных движений, в российской подвыборке – выдающиеся полководцы досоветского периода (А. В. Суворов, М. И. Кутузов, П. И. Багратион, М. Б. Барклай де Толли, А. А. Брусилов, А. П. Ермолов, А. В. Колчак, М. П. Лазарев, П. С. Нахимов, М. Д. Скобелев, Л. Г. Корнилов, Ф. Ф. Ушаков). Третью позицию, по мнению белорусских респондентов, занимают современные политические деятели и активисты, по мнению российских респондентов – исторические государственные деятели (князья, цари, императоры, министры).

Белорусские студенты героизируют лидеров национально-освободительных движений, народных просветителей (Евфросиния Полоцкая, Франциск Скорина), национальных писателей (Якуб Колас, В. И. Дунин-Марцинкевич, В. В. Быков, Максим Танк, Янка Купала), музыкантов (М. К. Огинский, В. Г. Мулявин), художников (М. З. Шагал, М. А. Савицкий). У российских студентов образ героя связан преимущественно с фамилиями исторических государственных деятелей, военачальников, советских политических лидеров (В. И. Ленин,

И. В. Сталин, А. М. Коллонтай, Г. К. Жуков), покорителей космоса (Ю. А. Гагарин, Г. С. Титов, В. В. Терешкова, А. А. Леонов, С. К. Крикалёв). Семантическое содержание концепта «герой» в понимании белорусских студентов имеет этнонациональную основу, а в понимании российских студентов – государственно-политическую основу.

Репрезентация героев, предложенная студентами, демонстрирует наличие общего прошлого у народов Беларуси и России. Так, и белорусские, и российские респонденты называют героями полководцев Великой Отечественной войны (Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский), пионеров-героев и комсомольцев (В. Котик, М. Казей), поэтов (А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой), космонавтов (Ю. А. Гагарин, Г. С. Титов), советских государственных деятелей (В. И. Ленин, А. А. Громыко). Наличие общих героев свидетельствует о единой, преимущественно ретроспективно направленной коллективной идентичности.

Показательным является своеобразный нигилизм некоторых респондентов. Они никого не могут выделить в качестве героя, сама героизация для них

неприемлема (*Героев нет, есть жертвы истории; Нет таких, я не вешаю ярлыков на людей*). Другие респонденты, напротив, стремятся максимально обобщить образ героя, включив в него весь народ (*Весь белорусский народ; Нельзя выделить кого-то отдельно, мы все отчасти герои истории в том времени, в котором живем*).

Если оценить ответы респондентов в рамках континуума *история – современность*, можно заметить, что белорусские студенты, героизируя определенные личности, обращены к близкому прошлому и настоящему, а российские студенты максимально историзируют героев. Таким образом, историческое сознание россиян в значительной степени ориентировано на прошлое, в то время как историческое сознание белорусов – на близкое прошлое и настоящее.

Кроме того, студентам был задан вопрос о том, какие события в истории страны и народа вызывают у них чувство гордости. Коллективные чувства, как устойчивые аффективные переживания, разделяемые членами большой группы, выполняют не

только консолидирующую функцию, но и функцию символической защиты от неблагоприятных воздействий, компенсируют материальные и моральные потери, закладывают основу для межгрупповых отношений и т. д. Если коллективные чувства, относящиеся к настоящему и будущему, характеризуются амбивалентностью, то среди воспоминаний о коллективном прошлом чаще преобладают ностальгия, гордость и восхищение подвигами предков.

Выяснилось, что особую гордость белорусская и российская студенческая молодежь испытывает за победу СССР в Великой Отечественной войне (табл. 3). Для белорусских студентов поводом для гордости выступают также современные политические, культурные и социально-экономические достижения страны, обретение государственной независимости. Коллективные чувства гордости российской студенческой молодежи связаны преимущественно с событиями прошлого, а именно с победами страны в войнах и с достижениями советского периода (главнейшим из них является освоение космоса).

Таблица 3

События в истории страны, выступающие поводом для гордости, по мнению белорусских и российских студентов

Table 3

Events in the history of the country that cause pride, according to opinions of the Belarusian and Russian students

Категория	Доля ответов белорусских студентов, %	Доля ответов российских студентов, %
Победа в Великой Отечественной войне	46,4	42,0
Достижения современного периода	17,7	3,7
Создание национального государства	13,8	–
События периода Великого княжества Литовского	5,5	–
Достижения в науке, культуре, образовании	5,0	6,4
Победы в войнах	4,4	22,4
Борьба за независимость	3,9	3,5
Спортивные победы	1,7	1,6
События периода Речи Посполитой	1,7	–
События периода СССР	–	12,1
Укрепление Российского государства	–	7,3
Постсоветская демократизация	–	1,1

История того или иного народа – это не только достижения и победы, но и национальные трагедии, которые вызывают чувства унижения, скорби и стыда. Важно, что память о коллективных травмах способствует объединению людей, обеспечивая налаживание между ними социальных связей и мотивируя их к активным действиям. Таким образом, переживание коллективных травм может выполнять консолидирующую функцию и создавать условия для формирования коллективной идентичности.

Как показало исследование, наиболее травмирующими событиями в исторической памяти мо-

лодежи обеих стран выступают политические репрессии в период СССР. Для белорусской молодежи трагическими представляются некоторые события периода Речи Посполитой. В качестве национальной травмы российские студенты назвали войны (преимущественно те, что завершились поражением их родной страны) и распад СССР.

В целом в исторической памяти белорусской и российской молодежи преобладают героические коллективные чувства, что позволяет сделать вывод о преобладании позитивных форм коллективной идентичности.

Заключение

Историческая память тесно связана с настоящим и будущим, поэтому важное значение имеет ее процессуальный аспект, в частности усилия общественных институтов по сохранению и воспроизводству индивидуального и коллективного исторического опыта. В связи с этим актуальным является вопрос о том, создает ли транслируемое сегодня представление о прошлом условия для формирования коллективной идентичности, которая выступает сложным социальным феноменом, возникающим в результате социальной категоризации индивида с учетом определенных социальных условий и институциональных рамок.

Результаты исследования позволяют заключить, что студенты Беларуси и России придают важное значение истории и считают необходимым транслировать исторический опыт будущим поколениям. В фокусе интереса современных молодых людей находятся как национальная, так и мировая история. Коллективные чувства российской студенческой мо-

лодежи связаны преимущественно с победами страны в войнах и процессом укрепления российской государственности. Белорусская молодежь испытывает гордость прежде всего за стремление своего народа к созданию национального государства. У белорусской молодежи сильнее, чем у российских молодых людей, выражена этнонациональная идентичность. Историческая память молодых белорусов сконцентрирована на образах национального прошлого, идеях этнокультурной самобытности и государственной независимости, их историческое сознание направлено в основном на близкое прошлое и настоящее. У российских студентов превалирует гражданственно-государственная идентичность, их историческое сознание обращено в далекое прошлое. Общая история у двух народов и отражение событий прошлого в исторической памяти белорусских и российских молодых людей позволяют предположить наличие у них единой, преимущественно ретроспективно направленной коллективной идентичности.

Библиографические ссылки

1. Grever M, Adriaansen R-J. Historical consciousness: the enigma of different paradigms. *Journal of Curriculum Studies*. 2019;51(6):814–830. DOI: 10.1080/00220272.2019.1652937.
2. Репина ЛП, редактор. *Историческая культура как предмет исследования. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени*. Москва: Кругъ; 2006. 768 с.
3. Анкерсмит ФР. *Возвышенный исторический опыт*. Олейников АА, переводчик. Москва: Европа; 2007. 609 с.
4. Куликов ДК. Историческое сознание и теория культуры. *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2007; 4(35):47–51.
5. Grever M, Nieuwenhuys KV. Popular uses of violent pasts and historical thinking (Los usos populares de los pasados violentos y el razonamiento histórico). *Journal for the Study of Education and Development*. 2020;43(3):483–502. DOI: 10.1080/02103702.2020.1772542.
6. Edy JA. Journalistic uses of collective memory. *Journal of Communication*. 1999;49(2):71–85. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1999.tb02794.x.
7. Assmann J. Communicative and cultural memory. In: Meusburger P, Heffernan M, Wunder E, editors. *Cultural memories: the geographical point of view*. Dordrecht: Springer; 2011. p. 15–27.
8. Weedon C, Jordan G. Collective memory: theory and politics. *Social Semiotics*. 2012;22(2):143–153. DOI: 10.1080/10350330.2012.664969.
9. Choi SY, Liu JH, Mari S, Garber IE. Content analysis of living historical memory around the world: terrorization of the Anglosphere, and national foundations of hope in developing societies. *Memory Studies*. 2021;16(2):1–19. DOI: 10.1177/1750698021995974.
10. Schuman H. Cohorts, chronology, and collective memories. *Public Opinion Quarterly*. 2004;68(2):217–254. DOI: 10.1093/poq/nfh012.
11. Roediger HL, Zoromb FM, Butler AC. The role of repeated retrieval in shaping collective memory. In: Boyer P, Wertsch JV, editors. *Memory in mind and culture*. New York: Cambridge University Press; 2009. p. 138–170.
12. Stone ChB, van der Haegen A, Luminet O, Hirst W. Personally relevant vs nationally relevant memories: an intergenerational examination of World War II memories across and within Belgian French-speaking families. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2014;4:280–286. DOI: 10.1016/J.JARMA.2014.08.002.
13. Wang Q. What does cultural research tell us about memory? *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2021;10(1):1–4. DOI: 10.1016/j.jarmac.2021.01.004.
14. La Barbera M-C, editor. *Identity and migration in Europe: multidisciplinary perspectives international perspectives on migration*. Dordrecht: Springer; 2015. Identity and migration: an introduction; p. 1–13.
15. Luckmann Th. Remarks on personal identity: inner, social and historical time. In: Jacobson-Widding A, editor. *Identity: personal and sociocultural*. Uppsala: Academiae Upsaliensis; 1983. p. 67–91.
16. Эрикссон ЭЭ. *Идентичность: юность и кризис*. Толстых АВ, переводчик и редактор. Москва: Прогресс; 1996. 344 с.
17. Бергер П, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Руткевич ЕД, переводчик. Москва: Медиум; 1995. 323 с.
18. Малахов ВС. Неудобства с идентичностью. *Вопросы философии*. 1998;2:43–53.
19. Melucci A. *Nomads of the present: social movements and individual needs in contemporary society*. Philadelphia: Temple University Press; 1989. 281 p.
20. Jenkins R. *Social identity*. London: Routledge; 2008. 206 p.
21. Liu JH, Hilton DJ. How the past weighs on the present: social representations of history and their role in identity politics. *British Journal of Social Psychology*. 2006;44(4):537–556. DOI: 10.1348/014466605X27162.

22. Brubaker R, Cooper F. Beyond «identity». *Theory and Society*. 2000;29(1):1–47.
23. Sahdra B, Ross M. Group identification and historical memory. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007;33(3):384–395. DOI: 10.1177/0146167206296103.
24. Заславская МИ, Ракачев ВН. Концептуализация политики идентичности и практики ее реализации в России и Армении. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2022;15(1):47–62. DOI: 10.21638/spbu12.2022.103.
25. Стернин ИА. *Методологические проблемы когнитивной лингвистики*. Воронеж: Воронежский государственный университет; 2001. Методика исследования структуры концепта; с. 58–65.
26. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память. Поселягин Н, переводчик. *Новое литературное обозрение*. 2016;5:42–54.

References

1. Grever M, Adriaansen R-J. Historical consciousness: the enigma of different paradigms. *Journal of Curriculum Studies*. 2019;51(6):814–830. DOI: 10.1080/00220272.2019.1652937.
2. Repina LP, editor. *Istoricheskaya kul'tura kak predmet issledovaniya. Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni* [Historical culture as a subject of research. History and memory: the historical culture of Europe before the beginning of the New Age]. Moscow: Krug; 2006. 768 p. Russian.
3. Ankersmit FR. *Vozvyshennyi istoricheskii opyt* [Sublime historical experience]. Oleinikov AA, translator. Moscow: Evropa; 2007. 609 p. Russian.
4. Kulikov DK. [Historical consciousness and theory of culture]. *Humanities and Socio-Economic Sciences*. 2007;4(35):47–51. Russian.
5. Grever M, Nieuwenhuys KV. Popular uses of violent pasts and historical thinking (Los usos populares de los pasados violentos y el razonamiento histórico). *Journal for the Study of Education and Development*. 2020;43(3):483–502. DOI: 10.1080/02103702.2020.1772542.
6. Edy JA. Journalistic uses of collective memory. *Journal of Communication*. 1999;49(2):71–85. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1999.tb02794.x.
7. Assmann J. Communicative and cultural memory. In: Meusburger P, Heffernan M, Wunder E, editors. *Cultural memories: the geographical point of view*. Dordrecht: Springer; 2011. p. 15–27.
8. Weedon C, Jordan G. Collective memory: theory and politics. *Social Semiotics*. 2012;22(2):143–153. DOI: 10.1080/10350330.2012.664969.
9. Choi SY, Liu JH, Mari S, Garber IE. Content analysis of living historical memory around the world: terrorization of the Anglosphere, and national foundations of hope in developing societies. *Memory Studies*. 2021;16(2):1–19. DOI: 10.1177/1750698021995974.
10. Schuman H. Cohorts, chronology, and collective memories. *Public Opinion Quarterly*. 2004;68(2):217–254. DOI: 10.1093/poq/nfh012.
11. Roediger HL, Zoromb FM, Butler AC. The role of repeated retrieval in shaping collective memory. In: Boyer P, Wertsch JV, editors. *Memory in mind and culture*. New York: Cambridge University Press; 2009. p. 138–170.
12. Stone ChB, van der Haegen A, Luminet O, Hirst W. Personally relevant vs nationally relevant memories: an intergenerational examination of World War II memories across and within Belgian French-speaking families. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2014;4:280–286. DOI: 10.1016/j.jarmac.2014.08.002.
13. Wang Q. What does cultural research tell us about memory? *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2021;10(1):1–4. DOI: 10.1016/j.jarmac.2021.01.004.
14. La Barbera M-C, editor. *Identity and migration in Europe: multidisciplinary perspectives international perspectives on migration*. Dordrecht: Springer; 2015. Identity and migration: an introduction; p. 1–13.
15. Luckmann Th. Remarks on personal identity: inner, social and historical time. In: Jacobson-Widding A, editor. *Identity: personal and sociocultural*. Uppsala: Academiae Upsaliensis; 1983. p. 67–91.
16. Erikson EE. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Tolstykh AV, translator and editor. Moscow: Progress; 1996. 344 p. Russian.
17. Berger P, Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Rutkevich ED, translator. Moscow: Medium; 1995. 323 p. Russian.
18. Malakhov VS. [Trouble with identity]. *Voprosy filosofii*. 1998;2:43–53. Russian.
19. Melucci A. *Nomads of the present: social movements and individual needs in contemporary society*. Philadelphia: Temple University Press; 1989. 281 p.
20. Jenkins R. *Social identity*. London: Routledge; 2008. 206 p.
21. Liu JH, Hilton DJ. How the past weighs on the present: social representations of history and their role in identity politics. *British Journal of Social Psychology*. 2006;44(4):537–556. DOI: 10.1348/014466605X27162.
22. Brubaker R, Cooper F. Beyond «identity». *Theory and Society*. 2000;29(1):1–47.
23. Sahdra B, Ross M. Group identification and historical memory. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007;33(3):384–395. DOI: 10.1177/0146167206296103.
24. Zaslavskaya MI, Rakachev VN. Conceptualization of identity politics and practices of its implementation in Russia and Armenia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. 2022;15(1):47–62. Russian. DOI: 10.21638/spbu12.2022.103.
25. Sternin IA. *Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh: Voronezh State University; 2001. [Methodology for studying the structure of the concept]; p. 58–65. Russian.
26. Ayerman R. [Cultural trauma and collective memory]. Poselyagin N, translator. *New Literary Review*. 2016;5:42–54. Russian.

Авторы:

Петр Степанович Крючек – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории Беларуси и политологии инженерно-экономического факультета.

Вадим Николаевич Ракачев – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры социологии факультета истории, социологии и международных отношений.

Ярослава Владимировна Ракачева – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета истории, социологии и международных отношений.

Всеволод Николаевич Сергеев – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой гуманитарных наук.

Виктор Александрович Острога – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой таможенного дела факультета международных отношений.

Authors:

Petr S. Kruchek, PhD (history), docent; head of the department of history of Belarus and political science, economic engineering faculty.

pit68_68@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8355-4089>

Vadim N. Rakachev, doctor of science (history), docent; professor at the department of sociology, faculty of history, sociology and international relations.

midav.sf@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6505-4208>

Yaroslava V. Rakacheva, PhD (history), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of history, sociology and international relations.

soccenter@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0540-6408>

Vsevolod N. Sergeev, PhD (history), docent; head of the department of humanitarian sciences.

v.n.sergeev@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9809-7864>

Victor A. Astroga, doctor of science (history), full professor; head of the department of customs affairs, faculty of international relations.

ostroga.v@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0599-465X>
